

«Я не знаю искусства более женственного: чтобы быть самым завораживающим, оно поочередно становится то самым чистым, то самым пагубным. Искусство Фриды — это лента, повязанная вокруг бомбы».

Андре Бретон.

Каталог выставки «Мексика»,

1939

ГЛАВА 3

«СУДЬБА ТАСУЕТ КАРТЫ, А МЫ ИГРАЕМ»

Политика и страсть: Фрида была на пике своей красоты, когда 9 января 1937 года встретила Льва Троцкого и его супругу Наталью Седову в Тампико. В образе Фриды на автопортрете «Фуланг-Чанг и я» (1937, с. 54) сквозит чувственность.



[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Двойной дом

Супруги вернулись в Мехико и поселились в районе Сан-Анхель, на углу улиц Пальмас и Альтависта, в двойном доме, который создал Хуан О'Торман — художник-муралист, архитектор, ученик Ле Корбюзье. Используя недорогие материалы, он построил два функциональных куба. Они подчеркивали «социальный» контраст с остальными зданиями в этом шикарном районе.

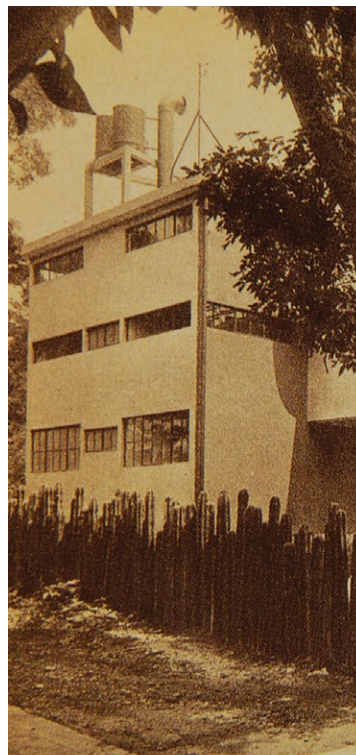
Дом выкрашен в типичные для Мексики цвета: половина, где жила Фрида, в лазурно-синий, а часть Диего — в кроваво-красный. Здание окружено живой изгородью из высоких толстых кактусов, а между его половинами перекинут мостик без перил, словно парящий в небе, — своеобразная аллегория отношений супругов. При взгляде на него невольно задумываешься над судьбой женщины, жившей здесь и скрывавшей тяжелые увечья под пышными длинными юбками. Такой дизайн — диалектика зависимости и свободы, невинного садизма и пупочной связи супругов.

Двойной дом быстро стал Меккой для интеллигенции из разных стран. Царящая в нем богемная атмосфера привлекала писателей, художников, фотографов, музыкантов, актеров и политических активистов. Во дворе летали попугаи и свободно разгуливали животные: паукообразные обезьяны, олениа, собаки породы ксолоитцкуинтли. Нередко сквозь живую изгородь заглядывали зеваки. Но иногда их становилось слишком много, они подбирались чересчур близко — и тогда Фрида начинала собирать вещи.

«Несколько царапин»

В течение 1934 года Фрида ничего не писала: давали о себе знать старые травмы, она все чаще попадала в больницу. Аппендицит, новый аборт на третьем месяце беременности, сделанный доктором Золлингером, операция на правой ноге. словно предчувствуя беду, Фрида писала доктору Элоессеру: «У меня по-прежнему болит нога, но ничего не поделаешь. В один прекрасный день я, возможно, решусь на ампутацию, чтобы она больше меня не беспокоила». Навещать Фриду приходила любимая младшая сестра Кристина, оставшаяся одна с двумя детьми. Ее вконец проворовавшийся муж бросил семью. Она сидела возле кровати выздоравливающей, не выпуская из рук ее хрупкую ладонь.

Диего, вынужденный вернуться в Мексику, был вне себя от гнева. Он жаждал отмщения за унижение, пережитое в Нью-Йорке, и создал фреску на втором этаже Дворца



Вернувшись из Детройта в конце 1933 года, Диего Ривера и Фрида Кало переехали в современный район Сан-Анхель, в двойной дом, который полностью отвечал их вкусам и творческим потребностям. Мастерская Диего, не раз запечатленная на его многочисленных портретах, наполнена его любимыми предметами, которые он часто изображал на картинах. Сегодня сложно уловить дух этого места, так как мастерская преобразована в выставочный центр.



«Там вся мебель была современной: столы, стулья, кресла, сделанные из полированных стальных трубочек, сиденья и подушки из кожи тонкой выделки цвета лайма. Все это контрастировало с красным кирпичом потолка, белыми стенами, желтым паркетным полом, циновками из тростника и красочными картинами Диего Риверы...»

*Гуадалупе Ривера,
дочь Диего*

Диего часто изображал на фресках своих любовниц. Так вышло и с картиной «Часовня Чапинго», где рядом с Лупе Марин, его официальной женой, стоит Фрида. На фреске «Мексика сегодня и завтра» (внизу) на переднем плане изображена ее сестра Кристина.

изящных искусств. Он изобразил Джона Рокфеллера в окружении проституток, в довольно грязной сцене, где гигантский пропеллер разбрасывает вокруг бактерии возбудителей сифилиса. Фрида не всегда могла удовлетворить его сексуальный аппетит, и Диего попал в объятия свояченицы, Кристины, которую однажды уже запечатлел в аллегорическом образе сладострастия на фреске, украсившей Министерство здравоохранения.

В начале 1935 года Фрида уехала из района Сан-Анхель и поселилась в небольшой квартирке в центре Мехико (на проспекте Инсурхентес). Она принялась за «Несколько

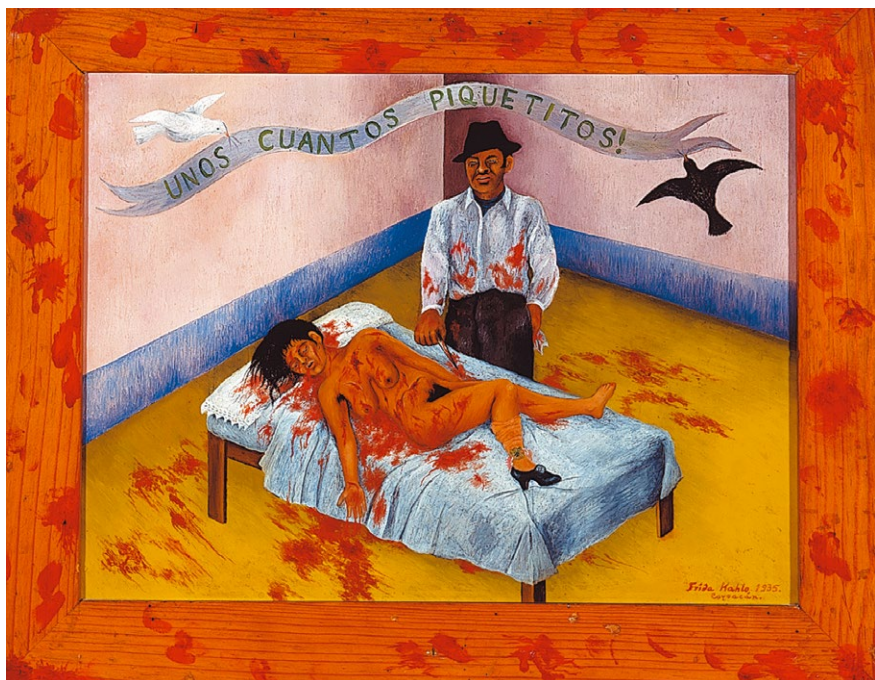


царапин» (1935) — картину, задуманную после прочтения заметки об обнаженном теле женщины, найденном с множественными ножевыми ранениями. Ее кровь стекает на пол и даже попадает на раму картины, ее убийца — в котором можно узнать черты Диего — стоит рядом с ножом в руках, в залхватски заломленной шляпе и невозмутимо смотрит на зрителя.

А женщина на «Автопортрете» того же года — это совершенно новая Фрида. У нее короткие курчавые волосы, более грубые черты лица, а украшения, кажется, отброшены в сторону одним движением руки, как и иллюзии. Единство души и тела, такое же крепкое, как узы крови, связь, которую, как думала Фрида, невозможно разорвать, оказалась иллюзорной. «Сейчас, — писала она доктору Элоессеру, — мы больше не можем сделать то, о чем говорили, уничтожить все человечество и оставить только Диего, вас и меня — потому что теперь Диего не будет счастливым».



Скульптор Исаму Ногучи, любовник Фриды. Фотография Эдварда Уэстона. 1935.



Она нашла утешение в объятиях японского скульптора Исаму Ногучи, и пока Диего воспевал свое странное представление о семье (он написал обеих сестер и детей Кристины на фреске «Мексика сегодня и завтра» в Национальном дворце), Фрида уехала в Нью-Йорк — ей нужно было сменить обстановку. Ее сопровождали писательница Анита Бреннер и подруга Мэри Шапиро, которая недавно рассталась с мужем. Долгие разговоры с друзьями семьи, Бертрамом и Эллой Вольф, и встречи с Люсьеной Блох помогли Фриде обрести душевное равновесие. Двадцать третьего июля 1936 года она написала Диего откровенное письмо. Подавив гордость, высказала ему все, что накипело: «...ты волочишься за каждой юбкой, все эти романы с твоими преподавательницами... английского и цыганками, которых ты используешь в качестве моделей, твоими “готовыми на все” ассистентками, студентками, которых “с ума сводит живопись”, твоими “полномочными атташе из далеких стран” — все это преходяще. Ведь, если серьезно, мы с тобой любим друг друга, несмотря на всю ту разрушительную силу, на которую оказываемся способны, и даже если нам приходится мириться с бесконечными выходками друг друга, хлопаньем дверями, жуткими оскорблениями и телефонными звонками с другого конца света, мы всегда будем любить друг друга».

Фрида вернулась в Сан-Анхель, но под маской обычной веселости скрывалось беспокойство. Приблизительно в это время она начала искать утешения в алкоголе. «Я пила, желая утопить в алкоголе свою боль — но она, чертовка, научилась плавать», — писала она позже Элле Вольф. Желая укрепить нити, которые связывают ее с жизнью, припасть к первым истокам любви и постараться забыть о страхе одиночества, она создала картину «Мои бабушки и дедушки, мои родители и я» (1936), где изобразила себя обнаженной маленькой девочкой, стоящей во дворе «Синего дома» с ленточкой в руках, связывающей ее с молодоженами-родителями. Позади мама, одетая в белое платье, она ждет малыша, а бабушки и дедушки, парами, расположены, словно ангелы-хранители, по обе стороны от крошечной фигурки внучки.

В основе картины «Несколько царапин» (с. 58) — газетная заметка о преступлении. Фрида использовала сюжет, чтобы дистанцироваться от страданий, причиненных романом Диего с ее младшей сестрой Кристиной. Она намеренно придала жертве черты лица сестры, а мужчину с ножом в руках сделала похожим на Диего. Фрида воображала, что именно она совершила убийство. Художница словно говорила подруге Люсьене Блох (которая сделала снимок ниже), что нашла решение своих проблем на дне бутылки чинзано.





[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:



Mifbooks



Mifbooks



Mifbooks